

Теоретическое занятие по дисциплине «Литература»

Тема занятия № 14 : «Жизненный и творческий путь Николая Алексеевича Некрасова. Основные темы и идеи лирики».

Цель занятия: Познакомиться с биографией и творчеством писателя; выявить особенности творчества писателя; познакомиться с героями стихотворений Н.А.Некрасова.

1. Запишите в тетради дату и тему занятия.

2. Изучите материал занятия (пройдите по ссылке)

1. <https://www.culture.ru/movies/1173/nikolai-nekrasov-lirika>

2. Творчество Николая Алексеевича Некрасова

«То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть...». Эту мысль Некрасов по-разному повторяет в своих стихах, критических статьях и письмах. Любовь-ненависть владеет поэтом, потому что любить родину и желать ей счастья — значит ненавидеть все, что ее позорит.

В 1821 г. в местечке Немирово (Украина), в семье отставного майора родился Н.А. Некрасов. Детские годы провел в селе Грешнево на берегу Волги, близ Ярославля. Некрасов вырос в обстановке, которая могла загубить в человеке все лучшие стороны души.

И вот они опять, знакомые места,

Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,

Текла среди пиров, бессмысленного чванства,

Разврата грязного и мелкого тиранства,

Где рой подавленных и трепетных рабов

Завидовал житью последних барских псов,

Где было суждено мне божий свет увидеть,

Где научился я терпеть и ненавидеть,

Но ненависть в душе постыдно приставая,

Где иногда бывал помещиком и я...

Это стихотворение «Родина» (1846) звучит как исповедь, написанная, по словам одного из друзей Некрасова, не чернилами; а кровью.

Отец будущего поэта, отставной армейский офицер, помещик средней руки, был убежденным крепостником. Его главный жизненный интерес составляла

псовая охота. С собаками он бывал иногда добр, а домашние и крепостные равно страдали от его жестокости, от его тяжелого характера.

В стихотворении «Родина» Некрасов нарисовал образ страдальницы матери, чью жизнь сгубил «угрюмый невежда»:

Тебя пугала мысль восстать против судьбы,

Ты жребий свой несла в молчании рабы...

Но знаю: не была душа твоя бесстрашна,

Она была горда, упорна и прекрасна...

Мать поэта, Елена Андреевна, в доме мужа терпела обиды и унижения, какие не всегда выпадали и на долю крепостной. Она сумела пробудить в сыне отвращение к окружающей грязи и невежеству, она передала ему свою доброту, чуткость, стремление к справедливости.

Свои первые стихи Некрасов написал в 7 лет и преподнес их «любезной маменьке». Любовью к ней озарено все его поэтическое творчество. Вспоминая прошлое, Некрасов написал незадолго до смерти в поэме «Мать» (1877):

И если я легко стряхнул с годами

С души моей тлетворные следы

Поправшей все разумное ногами,

Гордившейся невежеством среды,

И если я наполнил жизнь борьбою

За идеал добра и красоты,

И носит песнь, слагаемая мною,

Живой любви глубокие черты —

О мать моя, подвигнут я тобою!

Во мне спасла живую душу ты!

Под влиянием матери Некрасов стал мечтать о литературной деятельности. Учась в ярославской гимназии (1832-1837), он писал «сатиры» на одноклассников и лирические стихи.

Но отец избрал для сына военную карьеру и в 1838 г. отправил его в Петербург для определения в дворянский полк.

Некрасов ослушался отца — подал документы в университет. За это непокорный сын был лишен материальной поддержки. «Восемь лет я боролся с нищетой, видел лицом к лицу голодную смерть... Уму непостижимо, сколько я работал!» — вспоминал поэт. Учиться ему уже не пришлось. Он ютился в петербургских трущобах, бывало, не имел ни пальто, ни сапог, писал лежа на полу — мебель отсутствовала в его подвале и все-таки не бросал литературных занятий, не отказывался от надежды стать писателем. Он сочинял стихи, рассказы, пьесы; иногда получал за них в журналах грошовую плату.

В эти годы Некрасову стал близок Петербург «чердаков и подвалов», город тружеников и бедняков.

Начинающий поэт чудом не погиб, не затерялся в этом городе. Несмотря ни на что, он сумел проложить свой путь в литературе. Спасла юношу не только его одаренность, но и поразительная энергия, выносливость, настойчивость — качества, которые и потом сказались в его трудной работе редактора передового журнала.

Огромная заслуга в формировании Некрасова-поэта принадлежит Белинскому. За год до знакомства с Белинским 19-летний поэт опубликовал первый сборник своих стихотворений — **«Мечты и звуки» (1840)**. Некоторые журналы благожелательно отозвались о них. Но Белинский оценил «Мечты и звуки» иначе: «Знакомые и истертые чувствованьица, общие места, гладкие стишки...». «Это был лучший урок», — вспоминал поэт.

В середине 40-х годов под редакцией Некрасова выходят четыре альманаха, среди которых особенно интересны «Физиология Петербурга» и «Петербургский сборник». Здесь выступили писатели «натуральной школы» — Белинский, Герцен, Тургенев, Достоевский, Некрасов. После прочтения стихотворения «В дороге» (1845) Белинский воскликнул: «Да знаете ли вы, что вы поэт, и поэт истинный?». В стихотворении ямщик рассказывает о своей жене. По прихоти барина она воспитывалась вместе с его дочерью, получила образование. Но наследник старого барина воротил девушку в село и отдал замуж за крепостного. Чувство жалости к жене слышится в словах ямщика.

1847-1866. Некрасов возглавляет журнал «Современник»; журнал был под постоянной угрозой закрытия и держался благодаря мужеству и редакторской мудрости Некрасова.

В начале 1862 г. правительство запрещает издание «Современника». С января 1868 г. поэт приступает к изданию нового журнала «Отечественные записки», который продолжил традиции «Современника».

В 1861 г. Некрасов пишет поэму «Крестьянские дети», где рассказывает о мечтах о лучшей доле народа.

В 1863 г. написана поэма «Мороз, Красный Нос» — о трагической стороне народной жизни. В этом же году Некрасов начинает работу над поэмой «Кому на Руси жить хорошо», над которой работал до конца жизни, но так и не завершил. В начале 1876 г. Некрасов почувствовал симптомы неизлечимой болезни (рак), операция не помогла и через два года его не стало.

Тема поэта и поэзии занимает особенное место в творчестве Некрасова. Своеобразие ее определяется тем, что для Некрасова проблема назначения художника не была только эстетической. Осмысление ее – означало решение кардинального вопроса о назначении человека-гражданина в обществе. «Особое чутье к страданию», которое и современники Некрасова, и исследователи его творчества отмечают как характерную черту поэта, проявилось и в восприятии Некрасовым своей эпохи как трагической, как «годины горя». Свидетель народного страдания, «глубоко раненный» этим страданием, как точно сказал Достоевский, Некрасов и долг свой поэта видел не только в том, чтобы поведать об этих страданиях миру, «воспеть» их, но и в том, чтобы «перевернуть действительность», «пересоздать умы».

Иллюзорность подобных надежд на способность поэтического слова изменить жизнь очень скоро станет поэту очевидной. В **стихотворении 1845 г. «Стишки! стишки! давно ль и я был гений»**, вспоминая о мечтах и устремлениях, объединивших юношей-поэтов, Некрасов с горькой иронией скажет об утопических планах юных поэтов:

«Избранники небес», мы пели, пели
И песнями пересоздать умы,
Перевернуть действительность хотели,
И мнилось нам, что труд наш – не пустой,
Не детский бред, что с нами сам Всевышний
И близок час блаженно-роковой,
Когда наш труд благословит наш ближний!

Прозвучавшие в этом раннем стихотворении горькие ноты, вызванные отчетливым сознанием наивности подобных мечтаний, пониманием невозможности переделать мир поэтическим словом, станут лейтмотивом и в более поздних некрасовских стихотворениях. Поэт и в других своих произведениях не раз выскажет мысль о бессилии поэтического слова, его неспособности изменить людей. «Где ж плоды той работы полезной?» – с горечью спросит он в **стихотворении 1857 г. «О погоде»** по поводу многочисленных книг о «любопытной жизни бедняков». Проливая над

книгами «слезы рекой», читатели не спешили облегчить существование не книжных, а реальных бедняков. Однако ирония, вызванная неверием в способность художественного слова «перевернуть действительность», никогда не сопровождалась у Некрасова сомнением в назначении литератора «толпе напоминать, что бедствует народ в то время, как она ликует и поет».

Убеждение в том, что призвание писателя – быть деятелем, активно вмешивающимся в жизнь, определило и новое понимание поэзии. Некрасов не отрицает божественного происхождения поэтического дара: поэт и в его творчестве будет назван «избранником небес», и не всегда с иронией, как в стихотворении «Стишки! стишки! давно ль и я был гений». Но в то же время Некрасов настаивает на том, что поэтическое творчество – это и «тяжкий труд» (например, в стихотворении 1856 г. «Чуть-чуть не говоря: «ты сушая ничтожность»). Русского же писателя в стихотворении, обращенном к братьям по перу («Русскому писателю», 1855), он называет «тружеником-работником на почве Мысли и Добра».

Некрасов отчетливо сознавал особенность своей эстетической позиции и стремился подчеркнуть отличие своих воззрений на поэтическое творчество от взглядов предшественников. Так, начало стихотворения с весьма традиционным названием – «Муза» (1852) – своего рода декларация о независимости. Описывая свою Музу-вдохновительницу, автор старательно подчеркивает непохожесть своей «вечно плачущей и непонятной девы» на ласково поющую Музу русских поэтов. Описание строится на намеренном противопоставлении, в котором доминируют отрицания: «нет», «не помню»:

Нет, Музы ласково поющей и прекрасной
Не помню над собой я песни сладкогласной!
В небесной красоте, неслышимо, как дух,
Слетая с высоты, младенческий мой слух
Она гармонии волшебной не учила <...>

Его Муза – иная: «нелюбимая», «печальная спутница печальных бедняков». Поэт создает многоликий, противоречивый образ Музы-вдохновительницы. Она – не небесная гостья, а – нищенка, страдальца, выпрашивающая милостыню и поклоняющаяся только богатству: «плачущая, скорбящая и болящая, / Всечасно жаждущая, униженно просящая, / Которой золото – единственный кумир». Передавая смысл ее песен, то скорбных, то «разгульных», Некрасов как бы воссоздает краткий очерк своей горькой юности. Описывая мелодии песен своей Музы, поэт отметил господствующий в них «звук» – «стон», который действительно станет доминирующим звуковым образом в созданной им самим картине российской жизни:

<...>Но тот же скорбный стон
Еще пронзительней звучал в разгуле шумном.
Все слышалось в нем в смешении безумном:
Расчеты мелочной и грязной суеты,

И юношеских лет прекрасные мечты,
Погибшая любовь, подавленные слезы,
Проклятья, жалобы, бессильные угрозы.

Муза – скорбящая нищенка – только один лик вдохновительницы. Ее тоскливые жалобы мгновенно сменяются яростью и угрозами неправедному миру, и вместо привычной для русского читателя прекрасной Музы-девы, исполненной небесной гармонии, предстает богиня-мстительница – Немезида:

В порыве ярости, с неправдою людской
Безумная клялась начать упорный бой.
Предавшись дикому и мрачному веселью,
Играла бешено моею колыбелью,
Кричала: «Мщение!» – и буйным языком
В сообщники звала господень гром!

Порыв «диких страстей» и «скорби лютой» иногда сменяется «божественно-прекрасною минутой»,

Когда страдалица, поникнув головой,
«Прощай врагам своим!» шептала надо мной...

Отношения поэта и его Музы лишены гармонии. В стихотворении Некрасова впервые звучит мотив борьбы с Музой. «Ожесточенный бой», в который вступает герой со своей «дикой», «безумной» Музой, завершается торжеством «непонятой девы»: она заставляет героя пройти по кругам земного ада. Открывая ему этот страшный мир страданий и унижений, Муза учит чувствовать чужую боль, чтобы рассказать о ней миру:

Чрез бездны темные Насилия и Зла,
Труда и Голода она меня вела –
Почувствовать свои страданья научила
И свету возвестить о них благословила...

В этом стихотворении 1852 г. Некрасов выразил понимание своей миссии в литературе, своего призвания, о котором он и много лет спустя, подводя итоги творческого пути, скажет так же, как и в начале 1850-х гг.: «Я призван был воспеть твои страданья, / Терпеньем изумляющий народ». Но поэт – не только «певец» народных страданий. Очень важным представляется в этом стихотворении образ Божьего грома как «сообщника» Музы. Поэт – в понимании Некрасова – не просто «избранник небес», но соратник Бога, помощник в справедливом суде над земной неправдой. И в более поздних стихотворениях, воплощая свой идеал поэта, Некрасов взывает к нему: «Вооружись небесными громами / Наш падший дух взнеси на высоту!» («Поэту (памяти Шиллера)», 1874), связывая с образом Божьей грозы свое представление о высшем, справедливом возмездии – очищении, обновлении неправедной жизни, избавлении общества от нравственной духоты и застоя.

Но не менее важной ему представлялась и другая задача – учительство, воспитание в читателе силой поэтического слова нового сознания, нового отношения к жизни. Мысль о том, что литература «во что бы то ни стало, при каких бы обстоятельствах ни было» «должна ни на шаг не отступить от своей цели – возвысить общество до своего идеала, – идеала добра, света и истины!» – становится задушевной идеей писателя.

В том же, 1852 г., Некрасов создает и другое свое известное стихотворение, посвященное назначению поэта, – «**Блажен незлобивый поэт**». Как и стихотворение «Муза», оно строится на антитезе: в основе композиции – противопоставление судеб двух поэтов – «незлобивого» и «озлобленного». Само противопоставление, как известно, восходит к седьмой главе поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Следует заметить, что, утверждая безусловное благополучие судьбы «незлобивого» поэта, Некрасов излишне категоричен. Ни критика, ни читатели не были благожелательны к тем поэтам, которые «гнушались дерзкою сатирой». Не случайно в ответ на это стихотворение Я.П. Полонский, один из тех, кого Некрасов и разумел под именем «незлобивых» поэтов, ответил стихотворением-исповедью о драматической судьбе «миролюбивой лиры». Но излишняя полемичность некрасовского стихотворения была вызвана не только желанием привлечь внимание и сочувствие общества к судьбам тех поэтов, которые видели свое назначение в исправлении пороков общества, в «обличении толпы». Автор стремился показать истинный смысл и истинную цель той «ненависти», которая наполняет произведения «озлобленного» поэта, заставляет его клеймить пороки общества. Источник этой ненависти – подлинная любовь, высшая цель поэта – тоже любовь – любовь к людям, любовь к своей стране:

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающею лирой <...>

И веря и не веря вновь
Мечте высокого призванья,
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья <...>

Со всех сторон его клянут
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он – ненавидя!

Но, характерно, что, утверждая столь высокую миссию поэта, Некрасов никогда не идеализировал ни своего героя-поэта, ни поэтов-современников. Герой-поэт в лирике Некрасова лишен ореола непогрешимости. Он никогда не предстает как носитель высшего знания или истин. Образ пророка как выразителя Божьего слова будет близок Некрасову, но «пророком» он назовет не поэта, а революционера-демократа, Н.Г. Чернышевского, последовательно

отстаивавшего свои убеждения. Герой-поэт в стихотворениях Некрасова не наделен и талантом, позволившим бы ему чувствовать свое явное превосходство над «непросвещенными». Он – не гений и отмечен многими человеческими слабостями: непоследовательностью в утверждении своей позиции, слабодушием, склонностью к компромиссам. По словам В.В. Кожина, одно из открытий Некрасова и заключается в том, что он «впервые вводит в поэзию «бытового» человека, всего человека, в том числе в состоянии непоэтическом. Он впервые представляет поэта как человека, находящегося «под игом» всевозможных, в том числе «мелочных» житейских «забот», с душой непросветленной, не поднятой над ними».

Противоречие между высокой миссией художника и человеческими слабостями героя-поэта станет источником одного из драматических мотивов в лирике Некрасова – мотива неисполненного долга. Впервые остро, сильно, трагично он прозвучал в стихотворении **«Поэт и гражданин»** (1855–1856), во многом и определяя его идейно-художественное своеобразие: декларации о высоком назначении художника слова неразрывно связаны здесь с горькой исповедью поэта, признающего свою неспособность им следовать.

Стихотворение строится как диалог: свои суждения о роли поэта и назначении поэзии высказывают поэт и гражданин. Поэт и гражданин во многом единомышленники. Но есть и определенные расхождения в их взглядах. Есть и разность человеческих характеров: последовательный, цельный, стойкий, непреклонный в своих убеждениях гражданин противопоставлен поэту. Это человек, наделенный талантом и гордой, справедливой душой, но малодушный и непоследовательный защитник своих идеалов, осознанной им истины.

В декларациях гражданина некоторые исследователи видят идеалы В.Г. Белинского и Н.Г. Чернышевского. И в то же время в исследовательской литературе справедливо высказывается возражение против «упрощенного толкования стихотворения и сведения его образов к прототипам». А.М. Гаркави утверждает, что образы и поэта и гражданина «имеют смысл художественных обобщений» и «являются носителями лирического начала»: «в высказываниях поэта и гражданина сформулированы эстетические взгляды Некрасова». И действительно: именно гражданину Некрасов доверяет дорогие ему мысли о назначении поэзии, не раз высказываемые и в лирике, и в письмах, в критических статьях. Так, например, в письме Л.Н. Толстому (1856 г.) звучит центральная идея, утверждаемая в стихотворении гражданином: «<...> В нашем отечестве роль писателя – есть прежде всего роль учителя и, по возможности, заступника за безгласных и приниженных», – писал Некрасов.

Исследователи видят в этом произведении полемику с пушкинским стихотворением «Поэт и толпа». Подобно пушкинскому, некрасовское стихотворение строится как диалог, спор. Но если поэт у Пушкина противостоит «бессмысленной» толпе, то антагонистом поэта у Некрасова

выступает гражданин, воплощение нравственной ответственности и чувства долга перед родиной. Полемика начинается с процитированных поэтом строк Пушкина – слов о назначении поэта: «Не для житейского волненья, / Не для корысти, не для битв, / Мы рождены для вдохновенья, / Для звуков сладких и молитв». Этими словами, как известно, заканчивалось пушкинское стихотворение.

Для некрасовского поэта в этих строках – безусловная истина, доказательство права поэта не участвовать в жизни общества. Отношение гражданина к пушкинским строкам гораздо более сдержанное. Исследователи видят в его позиции полемику с Пушкиным. Действительно, гражданин не разделяет восторгов поэта и признается, что «живее к сердцу принимает» его стихи, чем стихи Пушкина. Однако это признание не означает отрицания значимости пушкинского слова. Справедливым представляется утверждение Н.Н. Скатова о том, что здесь «не опровержение неопровержимого Пушкина», а «опровержение поэта», который «не Пушкин». Стихи поэта не представляются гражданину художественно совершенными. Он называет его поэмы «бестолковыми», о его элегиях говорит, что они – «не новы», «сатиры чужды красоты, / Неблагородны и обидны», «стих тягуч». Пушкин и для гражданина – недостижимый образец. Важно, что далее Пушкин уподобляется гражданином солнцу, а поэт – звездам: он «заметен», «но так без солнца звезды видно». Можно предположить, что эти слова тоже полемичны, но по отношению к Чернышевскому. В середине 1850-х гг. Чернышевский писал Некрасову, ставя его талант выше пушкинского: «Такого поэта, как Вы, у нас еще не было. Пушкин, Лермонтов, Кольцов как лирики не могут идти в сравнение с Вами».

Почему же гражданин видит не в пушкинской поэзии, а в несовершенной лирике поэта источник силы, которая должна пробудить общество? Причина его настойчивого внимания – эпоха, совсем иная, чем пушкинская. Это время, когда «не видно солнца ниоткуда», это – «година горя». Описывая свою эпоху, гражданин использует один из традиционных образов, встречающихся и в лирике Пушкина: страна-корабль. Нынешнее время уподобляется им грозной буре, и оно диктует поэту иную роль. Поэзия, когда «стонет буря», не должна быть усыпительными «сладкими звуками», она должна пробуждать желание противостоять «земным громам»:

Но гром ударил; буря стонет,
И снасти рвет, и мачту клонит, –
Не время в шахматы играть,
Не время песни распевать!
Вот пес – и тот опасность знает
И бешено на ветер лает:
Ему другого дела нет...
А ты что делал бы, поэт?
Ужель в каюте отдаленной

Ты стал бы лирой вдохновенной
Ленивцев уши услаждать
И бури грохот заглушать?

Эта символическая картина времени, нарисованная гражданином, близка автору: в образе эпохи, который неоднократно создает Некрасов в своих стихотворениях, доминирует та же метафора – буря, гроза. Например, в стихотворении «Горе старого Наума»: «Но я родился невпопад – / Лихое было время! <...> / Гром непрестанно грохотал, / И вихорь был ужасен, / И человек под ним стоял / Испуган и безгласен». Одним из непосредственных источников этой метафоры может быть известное пушкинское стихотворение «Арион», в котором челн, погибший во время грозы, символизирует трагическое завершение декабристского восстания 14 декабря 1825 г. В этом пушкинском стихотворении крайне важной была мысль о судьбе поэта, вдохновлявшего своими песнями пловцов. «Выброшенный» на берег «грозой», пушкинский певец видел свое назначение в том, чтобы петь «прежние гимны», – выражение, суть которого – в признании неизменной верности певца погибшим друзьям, их «гимнам» – их идеалам. Но Некрасова не удовлетворяет только идея верности поэта высоким идеалам, его роль мыслится более действенной – она в том, чтобы активно противостоять «земным громам».

Можно предположить еще один возможный источник образов некрасовского стихотворения: рисуя антиидеальный для него образ поэта, пытающегося заглушить «грохот бури» и «услаждающего» уши «ленивцев» вдохновенной лирой, Некрасов полемизирует не столько с Пушкиным, сколько со стихотворением Я.П. Полонского «Качка в бурю» (1851). Лирический герой Полонского, действительно, стремился уйти от морской бури, символизирующей жизненные невзгоды, потрясения, в «золотые сны» – воспоминания о прошлом счастье. «Сон» же поэта «в годину горя», по словам некрасовского гражданина, постыден. Эти слова настойчиво повторяет он поэту: «теперь не должно спать», «ты только временно уснул: / Проснись: громи пороки смело», «с твоим талантом стыдно спать». Определяя свои требования к поэту, гражданин исходит из требований самого времени. Поэзия в «годину горя» не должна уводить читателей от реальных проблем в мир идеальный: стыдно «в годину горя / Красу долин, небес и моря / И ласку милой воспевать...». Постыдно и бездействие, и молчание в трагическое для страны время. Важно отметить, что среди тех, кого гражданин зачисляет в «стан безвредных», считая их неистинными гражданами страны, бездействующими в «годину горя», поставлены рядом: стяжатели, воры, «сладкие певцы» и «мудрецы», чье назначенье – «разговоры».

И далее звучат слова, несомненно, выражающие не только позицию гражданина, но и автора:

Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,

Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденья, за любовь...
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда по ним струится кровь...

В утверждениях гражданина звучат многие пушкинские определения: поэт, полагает и гражданин, – «избранник неба», «глашатай истин вековых», его «струны» – «вещие». «Служение искусству» также признается им как назначение поэта. Но одновременно он подчеркивает и другую задачу: служение людям. Гражданин произносит слова, не раз высказываемые и самим Некрасовым: о нераздельности служения искусству со служением обществу, ближнему. Так, в одном из писем Некрасов утверждал: «Верна только одна теория: люби истину бескорыстно и страстно, больше всего и, между прочим, больше самого себя, и служи ей, тогда все выйдет ладно: станешь ли служить искусству – послужишь и обществу, станешь служить обществу – послужишь и искусству». В стихотворении эта мысль воплощается в четкую поэтическую формулу:

Будь гражданин! служи искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви <...>

Что же такое «Всеобнимающая Любовь»? Написанное с большой буквы, слово «Любовь» означает чувство, которое не отделяет человека от мира, а способствует, наоборот, единению с людьми и единению всех людей. Гражданин говорит о любви к стране и людям: для поэта Любовь должна выражаться в пламенных словах о добре и красоте.

Следующее за этими словами высказывание поэта – не спор с убеждениями гражданина. Поэт отвергает не слова гражданина, он только не признает своего права следовать этим словам: «учить других – потребен гений, / Потребна сильная душа». И потому выше поэта он ставит деятеля, гражданина, но понимает его роль по-своему: истинный гражданин, в отличие от поэта, молчаливо исполняет свой долг, идя к намеченной цели:

Блажен безмолвный гражданин:
Он, музам чуждый с колыбели,
Своих поступков господин,
Ведет их к благодарной цели,
И труд его успешен, спор...

С этим определением «гражданина» гражданин не согласен: «безмолвный гражданин», по его мнению, только жалок. Не согласен он и со словом

«блажен», точнее, с возможностью такого определения доли гражданина: «блажен», по его убеждению, не «безгласный гражданин», а «болтающий поэт». Истинный гражданин – тот, кто «как свои, на теле носит / Все язвы родины своей». Когда он произносит знаменитые слова: «Поэтом можешь ты не быть, / Но гражданином быть обязан», то речь идет именно о той острой нужде в истинных гражданах, которую испытывает страна. Кроме того, эти слова, восходящие, как известно, к поэме К.Ф. Рыльева «Войнаровский», одновременно содержали указание на определенную поэтическую традицию, которой должен следовать истинный поэт.

Спор, по сути, закончен. Но не потому, что поэт переменял свои убеждения, свою позицию. Она осталась прежней. В сущности, когда поэт спорит с гражданином или когда высказывает мысль о поэзии как вдохновенной молитве и сладких звуках, он спорит не с гражданином, а с самим собой. Диалог постепенно переходит в монолог-исповедь поэта, и читатель понимает, что равнодушие к общественным вопросам, которые провозглашал поэт в начале разговора, его пассивность и тоска – источником имеют пережитую драму. Перед читателем открывается история человека, ушедшего от борьбы, испугавшегося ответственности за горькие истины, которые он высказывал в своих стихотворениях. Оценивая прошлую жизнь с точки зрения тех ценностей, обязанностей, которые провозгласил гражданин и которые сам он признает как безусловные, поэт строго судит себя за отступничество от этих заветов. Эти заветы – любовь и ненависть: любовь к несчастным и обездоленным, любовь к отчизне и человеку, ненависть – к тому, что мешает человеку быть счастливым:

Без отвращенья, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил.
Не повторю, что там я видел...
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренно любил!
И что ж?.. мои прослышав звуки,
Сочли их черной клеветой;
Пришлось сложить смиренно руки
Иль поплатиться головой...
<...> Душа пугливо отступила.

Своему герою Некрасов передает глубоко личные переживания: собственную боль, собственные страдания. Покаяние кажется излишне страстным, может быть, даже преувеличенным, особенно если учесть подлинные заслуги Некрасова перед русским обществом. Но эта страстность и сила покаяния объяснимы тем высочайшим идеалом человека-гражданина, который признал для себя Некрасов и которому был неизменно предан:

<...> Я горькой правды не скрываю
И робко голову склоняю

При слове: честный гражданин.
Тот роковой, напрасный пламень
Доныне сожигает грудь,
И рад я, если кто-нибудь
В меня с презреньем бросит камень.

Никто не корит себя так страстно и пламенно за погрешение «долга священного человека», как Некрасовский поэт. Он остро осознает и то, что отказ от честного гражданского служения стал причиной утраты и творческого дара. Отсутствие гражданского мужества, которое в поэзии проявляется как уход от социальной проблематики и боязнь описывать пороки властителей, и приводит к тому, что Некрасовский поэт перестает быть не только гражданином, но и поэтом:

Но как боялся! как боялся!
Когда мой ближний утопал
В волнах существенного горя –
То гром небес, то ярость моря
Я добродушно воспевал.
Бичуя маленьких воришек
Для удовольствия больших,
Дивил я дерзостью мальчишек
И похвалой гордился их.
Под игом лет душа погнулась,
Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,
Презренья гордого полна.

Идея служения поэта прежде всего благу общества – одна из центральных в представлениях Некрасова о назначении поэта и поэзии. Некрасов сознавал, насколько сложно исполнение этой цели. Речь при этом шла не только о гражданском мужестве автора, но и о возможности высказанного им слова пройти через цензуру. Пережитые поэтом столкновения с непреклонным цензором нашли воплощение в образе Музы, иссеченной кнутом, Музы в терновом венце, встречающемся в ряде стихотворений Некрасова («Праздник жизни – молодости годы», 1855, «Безвестен я. Я вами не стяжал», 1855, «О Муза! я у двери гроба», 1877). Терновый венец некрасовской Музы – неизменная деталь ее облика – подчеркивает мысль о поэте как страдальце за веру, за высокую идею. В стихотворении «Безвестен я. Я вами не стяжал» говорится и о смерти Музы под кнутом:

Нет! Свой венец терновый приняла,
Не дрогнув, обесславленная Муза
И под кнутом без звука умерла.

Это же понимание творчества и представление о пути поэтического слова к читателю как «тернистом пути», исполненном страдания и мучения, выразилось в стихотворении **«Вчерашний день, часу в шестом»**, где в

судьбе крестьянки, наказываемой кнутом на Сенной площади, лирический герой угадал свою Музу. Исследователи отметили, что некрасовское стихотворение не могло быть откликом на непосредственное впечатление: такие наказания в 1848 г. уже были отменены. Но, избирая символом своей поэзии молодую крестьянку, публично наказанную, униженную, поэт, несомненно, хотел подчеркнуть трагизм судьбы художника: вдохновляющая его муза уподоблялась самому бесправному, беззащитному и самому несчастному существу на земле – молодой крестьянке. Называя ее «Музой мести и печали», Некрасов говорит о тех двух главных чувствах, которые и становятся источником его поэтических мотивов: любви и ненависти. «То сердце не научится любить, / Которое устало ненавидеть», – эти строки из стихотворения «Замолкни, Муза мести и печали» выражают нравственное кредо писателя и действительно определяют пафос его творчества.

Любовь и ненависть – слагаемые отношения Некрасова к миру. Не случайно в **стихотворении 1855 г. «Демону»** именно они доминируют в самохарактеристике героя:

Прямо ли, криво ли вижу,
Только душою киплю:
Так глубоко ненавижу,
Так бескорыстно люблю!

Любовь и ненависть, любовь и месть осознаются Некрасовым и как характерные особенности его поэзии. В **стихотворении 1855 г. «Праздник жизни – молодости годы»**, определяя своеобразие своего поэтического дара и пафоса своего творчества, Некрасов напишет:

Нет в тебе поэзии свободной,
Мой суровый, неуклюжий стих!

Нет в тебе творящего искусства...
Но кипит в тебе живая кровь,
Торжествует мстительное чувство,
Догорая, теплится любовь <...>

В этом признании-размышлении автор, по сути, становится на позицию противников своего творчества, настаивающих на «непоэтичности», художественном несовершенстве некрасовского творчества. Пожалуй, он оценивает свою поэзию даже более сурово, чем его критики. Объясняя низкую оценку таланта, прозвучавшую в ряде некрасовских стихотворений и находящуюся «в вопиющем противоречии с реальным общественным и эстетическим значением поэтической деятельности Некрасова», Б.О. Корман видит ее источник в том, что лирический герой Некрасова «постоянно соотносит свою поэтическую деятельность с потребностями общественного развития, с положением народа. Недовольство собой, суровая самооценка, горькие и несправедливые слова о своей поэзии – все это определяется в

лирике Некрасова характерным для него народным критерием оценки действительности».

Отрицая художественное совершенство своих стихов, Некрасов гораздо выше ставит чувства, которые должны вдохновлять поэта и которые вдохновляли его самого, – любовь и ненависть. О какой любви говорит поэт? Для Некрасова это – высшая справедливость, любовь-служение, любовь-сострадание к ближнему. Но именно такая любовь и заставляет человека ненавидеть то, что приносит людям страдания и боль. Эту любовь-ненависть, «что добрых прославляет, / Что клеймит злодея и глупца / И венком терновым наделяет / Беззащитного певца...», и воспевает Некрасов.

Весьма важными в этой самохарактеристике представляются и мотивы «живой крови» и «кипения». Глагол «кипит» – один из постоянных в лирике Некрасова – отчетливо передает необыкновенную интенсивность, полноту чувств лирического героя, всегда страстно отдающегося своему переживанию – любви или ненависти, мести, состраданию или гневу. Значимым для понимания Некрасовым сути поэтического творчества является и мотив «живой крови» как основы поэтического слова. Не случайно Некрасов уподобляет поэтическое произведение, пострадавшее от цензорских ножниц, крестьянке, иссеченной кнутом, или напрасно пролитой крови. В первой части поэмы «О погоде» Некрасов создает образ негодующего и страдающего А.С. Пушкина, увидевшего искалеченное цензором стихотворение. В его словах, произнесенных посылному, слышится живая боль, понятная и лирическому герою Некрасова: «Это кровь, говорит, проливается, – / Кровь моя <...>»

Многое в эстетических взглядах Некрасова проясняет и другой душевный мотив поэта: утверждение зависимости его поэтического слова от мира родной природы и печальных мелодий народных песен. Эта мысль была высказана в **стихотворении «Газетная»**. Мир «родной сторонки» здесь предстает как вечная непогода: буря, ветер, гроза заставляют гнуться и стонать русские леса, и этот стон сливается с унылой народной песней, отзываясь в тоскливых напевах русского поэта:

Коли нам так писалось и пишется, –
Значит, есть и причина тому!
Не заказано ветру свободному
Петь тоскливые песни в полях,
Не заказаны волку голодному
Заунывные стоны в лесах;
Спокон веку дождем разливаются
Над родной стороной небеса,
Гнутя, стонут, под бурей ломаются
Спокон веку родные леса,
Спокон веку работа народная
Под унылую песню кипит,

Вторит ей наша муза свободная,
Вторит ей – или честно молчит.

Драматизм в звучании темы поэта и поэзии усиливается в последнее десятилетие жизни Некрасова. Во многом он определяется сознанием неисполненного долга. Одно из стихотворений, где этот мотив обретает трагическую остроту, написано в 1867 году. Уже первая строка: «Умру я скоро. Жалкое наследство...» обозначает его главные мотивы: горькое предчувствие близкой смерти и необходимость подведения итогов и творческого и человеческого пути. Вызванное суровыми упреками в двоедушии, в несовпадении поэтических призывов и человеческого поведения Некрасова, это стихотворение становится исповедью человека, верящего в свои идеалы, в то, что назначение его музы – только воспевание страданий народа, но не ставшего последовательным проводником этих идеалов. Лейтмотив стихотворения – мольба о прощении, обращенная к родине: «За каплю крови, общую с народом, / Прости меня, о родина! прости!..» Герой пытается понять причины своего малодушия и отступничества. Одной из таких причин становятся пережитые в молодости испытания и страдания:

Под гнетом роковым провел я детство
И молодость – в мучительной борьбе.
Недолгая нас буря укрепляет,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая – навеки поселяет
В душе привычки робкой тишины.

«Привычки робкой тишины» и названы главной причиной невольного отступничества героя:

Не торговал я лирой, но, бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука...

Но герой не молит о прощении, он сурово корит, казнит себя за отступничество. Отрицая свое право остаться в памяти народной, герой не менее страстно утверждает истинный долг писателя – быть учителем, просветителем, готовым отдать жизнь ради высокой цели:

Я призван был воспеть твои страданья,
Терпеньем изумляющий народ!
И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым Бог тебя ведет,
Но, жизнь любя, к ее минутным благам
Прикованный привычкой и средой,
Я к цели шел колеблющимся шагом,
Я для нее не жертвовал собой.

Одно из последних некрасовских стихотворений, посвященных столь значимой для него теме назначения поэта, – «Элегия» (1874). Исследователи называют его «пушкинским». Действительно, в этом стихотворении-завещании, обращенном к «юношам» – молодому поколению, мысль Некрасова органично сливается с пушкинскими заветами. Важнейшая идея стихотворения – не только признание неизменной значимости для поэта темы «страданий народа», но и утверждение как высшего назначения каждого поэта – служения народу:

<...> Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет муза,
И в мире нет прочней, прекраснее союза!..

Включенные в эти строки поэтические формулы из стихотворения Пушкина «Деревня» («покорствуя бичам», «тощие стада», восходящие к пушкинскому «рабству тощему») позволяют Некрасову, по точному наблюдению Н.Н. Скатова, «вывести свою родословную от Пушкина, не декларируя ее, а подтверждая всем строем своих «пушкинских» здесь стихов». В стихотворении Некрасова можно увидеть и отзвук других пушкинских мотивов, в частности, определенную полемичность по отношению к пушкинскому стихотворению «Свободы сеятель пустынный...» (1823), с прозвучавшим в нем отчаянием лирического «я», не верящего в возможность пробудить народ силой живительного слова:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя –
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...
Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

К этому стихотворению, несомненно, восходит некрасовское сравнение покорного народа со стадом. Но если у Пушкина звучало неверие в возможность «разбудить мирные народы», то некрасовский герой исполнен стремления служить несчастным и покорным «рабам».

Исследователи видят в некрасовской «Элегии» отзвуки еще одного пушкинского стихотворения – «Эхо», в котором поэтическое слово осмыслялось как отзвук голосов мира. Но Некрасов не повторяет

пушкинский мотив, он его развивает: поэзия, поэтическое слово по Некрасову, тоже рождает эхо, отзвук в мире. Эта мысль лишена оптимистического звучания: покоряя «долы и нивы», заставляя их вторить своей песне, поэт, увы, бессилён вызвать отклик того, кому и посвящены его слова. Этим драматическим признанием, мотивом безмолвствующего народа и завершается стихотворение:

Задумчиво брожу в вечерней полутьме,
И песнь сама собой слагается в уме,
Недавних, тайных дум живое воплощенье:
На сельские труды зову благословенье,
Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю,
И песнь моя громка!.. Ей вторят долы, нивы,
И эхо дальних гор ей шлет свои отзывы,
И лес откликнулся... Природа внимлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта –
Увы! не внимлет он – и не дает ответа...

В одном из последних своих стихотворений – «**Зине**» (1876) лирический герой снова скажет о неизбежности забвения его имени народом, и вновь увидит в этом справедливое возмездие за свою неспособность быть «борцом» – равно в общественном служении или поэтическом. Как единственный идеал утверждается только гражданское служение:

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата-человека,
Только тот себя переживет...

Некрасов в поздней своей лирике не склонен умалять значимость и власть поэтического слова: поэтический труд не случайно уподобляется в одном из стихотворений 1877 г. («**Зине**») подвижническому подвигу: и этот труд осмысливается как условие спасения, «животворения» человека. Поэзия – «счастливый дар», но он обретает смысл только тогда, когда поэт наделен «решимостью» бороться до конца. Эта мысль утверждается в стихотворении «**Поэту**» (1877), которое звучит как завещание и исповедь:

Любовь и Труд – под грудями развалин!
Куда ни глянь – предательство, вражда,
А ты стоишь – бездействен и печален
И медленно сгораешь от стыда.
И небу шлешь укор за дар счастливый:
Зачем тебя венчало им оно,
Когда душе мечтательно-пугливой
Решимости бороться не дано?..

Но было бы неверно говорить о том, что в поздней лирике пройденный путь осмысливается только пессимистически. Наряду с трагическими интонациями может звучать и вера в высокий смысл совершенного труда. Эта вера прозвучала, например, в стихотворении «Сон». Символом поэта здесь становится пахарь, отчетливо вызывающий в памяти трагические интонации и образы стихотворения «Несжатая полоса» (1854). В стихотворении «Сон», одном из последних, созданных Некрасовым, образ пахаря, не собравшего колосья, ассоциируется уже с собственной судьбой:

и

Это стихотворение лишено драматических нот, напротив, оно исполнено веры в возможность возвращения к прерванному, незаконченному труду, веры в осуществимость благих порывов

а) «Поэт и гражданин» (1856)

В споре нет победителя: и поэт, и гражданин приходят к выводу, что роль художника в жизни общества настолько значительна, что требует от него не только художественного таланта, но и гражданственности, активности борьбы за гражданские убеждения.

в) «Элегия (1874)

Элегия — жанр стихотворения, в котором выражены настроения грустного раздумья, скорбь, философские размышления.

В первой строфе поэт обращается к молодежи, говорит о бедственном положении народа и определяет высокое назначение своей поэзии.

Во второй строфе поэт выразил свое отношение к реформе 1861 года и продолжает развивать тему служения народу.

Размышляя о том, что он видит и слышит кругом, поэт конкретизирует риторический вопрос, завершающий вторую строфу.

Некрасов рассказывает о том, как приходит к нему вдохновение и как поиск ответов на тайные вопросы» выливается в громкую, широкую песню.

Некрасовская муза — страдающая, воспевающая народ, зовущая к борьбе, протестующая, сочувствующая народу. Поэт должен быть с народом, служить народу).

3. Составить хронологическую таблицу жизни и творчества Н.А. Некрасова.

4. Самостоятельная работа: Подготовить презентацию «Проблема народного счастья в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Выполненную работу отправляете старосте. Староста формирует папку, подписывает тему, ставит дату и присылает в личное сообщение на мой эл. адрес: gulnaraazatovna@mail.ru в срок до 17.00 текущего дня.